

Почему Япония в ходе Второй мировой войны не желала безоглядно следовать курсом фашистской Германии

Историко-геополитический анализ

ДАЖЕ спустя 65 лет после начала Второй мировой войны и в зарубежной, и в отечественной историографии ее причин и истоков продолжают существовать сложившиеся стереотипы. Первый, в значительной степени оправданный, но далеко не создающий целостной картины евроцентристский подход: главным виновником развязывания Второй мировой войны была гитлеровская Германия. Второй, идеологический: наличие, с одной стороны, утверждений о коммунистической угрозе и «вынужденности» координации действий Запада и агрессоров по ее нейтрализации, а с другой — о совиновности СССР в развертывании Второй мировой войны, что обосновывается фактом подписания советско-германского пакта о ненападении и сопутствующих ему документов, а также предпринятыми советским руководством энергичными мерами по укреплению западных границ страны.

Одной из причин существования таких подходов, как представляется, является недооценка японского фактора, в частности, его существенного влияния на принятие судьбоносных решений Правительством Союза ССР, а также того обстоятельства, что в канун Второй мировой войны основными государствами-агрессорами во главу угла ставились (особенно начиная с 1939 г.) не столько идеологические, сколько геополитические и геостратегические интересы.

Вспомним: А. Гитлер еще только рвался к власти, а честолюбивые японские генералы уже имели грандиозные планы завоевания мирового господства, согласно которым одним из объектов агрессии являлся Советский Союз. Нет смысла в небольшой статье подробно цитировать меморандум премьер-

министра Японии генерала Г. Танаки императору от 25 июля 1927 года. Напомним лишь, что японцы планировали после подчинения Китая «вновь скрестить мечи с Россией». В борьбе за мировое господство генерал Танака считал необходимым «сокрушение Соединенных Штатов Америки»¹. Именно Япония в полном соответствии с меморандумом Танаки разожгла первые очаги гигантского вселенского пожара, который с рубежа 1 сентября 1939 года стал называться Второй мировой войной.

В этом японском официальном документе, которому впоследствии почти неукоснительно следовали (насколько позволял военно-экономический потенциал) все правительства Японии, впервые в тесной увязке были отражены две линии противоречий и два пути их разрешения. Старые империалистические противоречия, в первую очередь между Японией и США, традиционно соперничавшими в зоне Тихого океана, где выживание и развитие одних наций почти однозначно вело бы к поражению и упадку других, и новые — межсистемные, в сфере которых Япония и западные державы имели шанс объединить усилия против общего классово-идеологического врага. Разрешение первой группы противоречий виделось Японии на путях вооруженной борьбы с ведущими державами капиталистического мира на южном направлении агрессии; вторую группу противоречий можно было разрешить, лишь уничтожив СССР, МНР и зарождавшееся коммунистическое движение в Китае (северное направление).

ВЕСЬМА важно при этом четко представлять себе, что расхождения в доктринальных точках зрения пред-

ставителей этих двух направлений в японском руководстве заключались не в том, против кого воевать. Обе стороны сходились во мнении, что война против СССР неизбежна, и это не разъединяло, а, наоборот, объединяло сторонников северного и южного направлений. Противоречия, а скорее разногласия, состояли лишь в том, против кого начать войну раньше: против СССР или против США и их союзников. Именно поэтому дилемма «север — юг» существовала вплоть до самого момента принятия решения о военных действиях в первую очередь (с декабря 1941 г.) на юге, способствуя мобилизации японского государства на подготовку к крупной войне. Да и после этого, вплоть до конца 1943 года, северное направление находилось под пристальным вниманием японских стратегов. Лишь провал германского и японского блицкригов, перелом во Второй мировой войне в пользу антифашистской коалиции окончательно сняли этот вопрос. При этом следует учитывать то важное обстоятельство, что Япония и США начали подготовку к борьбе за передел сфер влияния в зоне Тихого океана еще задолго до образования на территории России социалистического государства, и только после его появления на карте мира у США появилась надежда превратить Японию из соперника в одного из союзников в общей борьбе против СССР. У Японии, впрочем, как и у Германии, стратегия достижения конечной цели, которая, безусловно, подразумевала необходимость «скрестить мечи с Россией», не была столь идеологически однозначной и прямолинейной. Оба агрессора

пошли сначала завоевывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы (природные, материальные, человеческие) более слабых стран.

Но об этом мы узнали уже, так сказать, задним числом. А в то время обстановка была отнюдь не проста для понимания.

У Советского Союза в борьбе за выживание в предвоенные годы фактически не было союзников. Строя свою внешнюю политику в тот сложный период, он не мог не учитывать японский военный фактор, так же как и все возрастающую опасность германского фашизма. Заидеологизированность советского руководства, равно как и лидеров государств «демократического блока», подвела СССР к необходимости подготовки к противостоянию и с этими странами, тем более что поводов для такого подхода было более чем достаточно.

В этой связи следует напомнить о так называемой политике «умиротворения» агрессоров (а точнее, поощрения их к войне против Советского Союза), проводившейся западными демократиями и вошедшей в историю под названием «мюнхенская политика», которая, однако, родилась отнюдь не в Мюнхене, а на Дальнем Востоке (Маньчжурия).

Дело в том, что агрессия Японии в Маньчжурии в 1931—1932 гг. (ее с полным основанием можно назвать первым очагом будущего всемирного пожара) получила лишь словесное осуждение со стороны стран Запада. На демонстративный выход Японии из Лиги Наций никаких санкций не последовало. Очевидно, лидеров западных государств вполне удовлетворило заявление главы японской делегации в Лиге Наций Ё. Мацуоки о том, что Маньчжурия оккупирована с единственной целью: сделать ее плацдармом для борьбы против СССР. Мацуока вернулся в Японию (заехав по пути в Берлин для прояснения позиций молодого нацистского руководства) героем — Рубикон был перейден, и руки у агрессора оказались окончательно развязанными, чем Япония не преминула воспользоваться, завершив в 1935 году захват Северо-Восточного Китая и начав в июле 1937 года тотальную войну в этой стране.

КРОМКАЯ на словах, но поразительно беззубая в отношении Японии подстрекательская по сути позиция ведущих держав мира объясняется прозаически просто. В Вашингтоне и других столицах считали, что военные действия Японии в Северо-Восточном Китае приведут к обострению японо-советских отношений, а быть может, и к крупномасштабному столкновению Японии и СССР. Для американского правительства и имевших значительные интересы в Китае правящих кругов Англии, Франции и Голландии важно было направить японскую экспансию на север, против СССР, а не на юг.

Таким образом, страны Запада, особенно США и Англия, строя свою внешнюю политику, проявили полное равнодушие к судьбе народов Северо-Восточного Китая. Более того, поощряя северное, как считалось, антисоветское направление японской агрессии, они на протяжении всех 1930-х гг. не только продолжали оказывать Токио экономическую помощь и прямую военную поддержку, но и многократно увеличили их масштабы². Аналогичную политику эти державы стали проводить с 1938 года и в Европе.

Советский Союз, который не был во время маньчжурских событий допущен ни в Лигу Наций (СССР вступил в эту международную организацию в 1934 г.), ни в Версальско-Вашингтонскую договорную систему, не мог не понимать нарастающей для него угрозы и, по сути, в одиночку неизменно требовал прекращения японской агрессии. Тем не менее и он, исходя из своей сугубо оборонительной стратегии, как справедливо считает американский исследователь Д. Глэнтц, был в состоянии выдвинуть скорее дипломатические, чем военные инициативы³. Однако, указывает другой современный американский ученый, японец по национальности А. Ириэ, СССР, провозгласивший идеи всемирного разоружения и создания системы коллективной безопасности, приложил немалые усилия, чтобы, опираясь на Коминтерн, однозначно объявивший вооруженный конфликт в Маньчжурии «агрессивной войной Японии против Китая», объединить усилия антифашистских сил в борьбе за

мир. Исследуя истоки Второй мировой войны, Ириэ пишет: «Первыми, кто увидел растущую угрозу миру со стороны фашистской Германии и быстро милитаризируемой Японии, были коммунисты, которые, собравшись в июле 1935 г. в Москве на 7-й конгресс Коминтерна, призвали все демократические силы создать общенародный фронт борьбы против фашизма». «Это ознаменовало, — считает он, — возврат России в международное сообщество в качестве сторонника порядка и мира, а не находящегося в изоляции защитника революции и радикализма... Самое важное, что советская инициатива дала определенную концептуальную ясность мировой ситуации, которая характеризовалась нестабильностью и противоречивостью»⁴. К сожалению, призыв Советского Союза и Коминтерна по причине идеологической зашоренности руководителей западных держав не нашел у них отклика, и события, приближавшие мир к всеобщему пожару, стали развиваться еще более стремительно.

В Токио понимали, что в случае развертывания агрессии против СССР Японии не обойтись без мощного европейского союзника. Вот почему захват в 1933 году, то есть уже после японской оккупации Маньчжурии, власти в Германии фашистами рассматривался в Японии как своего рода дар судьбы. В Токио все более укреплялись в надежде, что в своем стремлении занять господствующее положение в Европе Берлин сумеет приковать к себе вооруженные силы СССР, США, Англии и Франции, а это облегчит осуществление захватнических планов Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). «В своих отношениях с Советским Союзом, — делало в то время вывод правительство К. Хироты, — Германия находится примерно в таком же положении, как и Япония. Исходя из того, что между Францией и СССР существуют особые отношения, можно считать, что Германии будет выгодно действовать сообща с нами в вопросах национальной обороны и политики антикоммунизма»⁵.

Гитлеровское руководство со своей стороны также, несмотря на имевшиеся у него интересы в зоне Тихого океана, на которые

посягнула Япония, видело в последней потенциального союзника, способного в нужный момент создать против СССР второй фронт — на востоке, ослабить его, увеличив тем самым удельный вес Германии в Европе. Смыкание двух очагов агрессии у восточных и западных границ СССР наряду с откровенной политикой потворствования этому со стороны США, Англии и Франции реально угрожало созданием единого империалистического фронта борьбы против Советского Союза.

ПЕРВЫМ практическим шагом в организации глобального антисоветского альянса стало заключение 25 ноября 1936 года между Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, к которому в 1937 году присоединились Италия, а за ней ряд других стран, в том числе (об этом редко упоминается) в феврале 1939 года — подвассальной Японии Маньчжоу-Го⁶, с чьей территории и развернулась спустя три месяца агрессия против МНР в районе реки Халхин-Гол. Антисоветская направленность Антикоминтерновского пакта полностью подтвердилась, когда стало известно сопровождавшее его специальное секретное соглашение, статья первая которого прямо предусматривала совместные меры борьбы против СССР⁷.

«Начиная с 1937—1938 гг., — признавал главнокомандующий Квантунской группировкой японских войск О. Ямада, называвший антисоветскую политику Японии «последовательной», — Квантунская армия имела конкретные планы ведения наступательных военных операций против Советского Союза»⁸. Однако вопрос о конкретных сроках войны с такой крупной державой, как СССР, требовал тщательной проработки, а сама агрессия — длительной подготовки.

Поэтому важное значение для ориентации военной доктрины японского государства на мировую войну, очаги которой запылали на востоке, а затем вспыхнули и на западе, имела серия провокаций, осуществленных с санкции высшего военного командования на границах СССР или в их непосредственной близости. Главной целью этих вооруженных акций было определение уровня боеспособности советских войск, раз-

мещенных на Дальнем Востоке, и перспектив полномасштабной войны с Советским Союзом. За этой пробой сил внимательно наблюдала Германия, да и весь Запад. Итоги «разведки боем» оказались для Японии плачевными. Вооруженная вылазка в районе озера Хасан, предпринятая в июле 1938 года, затем вторая, начатая в мае 1939 года у монгольской пограничной реки Халхин-Гол, потерпели полный провал. Но последствия этого провала далеко выходят за рамки названных, особенно последнего, локальных конфликтов. Вместе с крахом собственно военным здесь в самом начале Второй мировой войны потеряла фиаско и военно-блоковая политика Японии, мечтавшей о союзе с Германией, лидеры которой утратили веру в японскую мощь.

Конфликт на реке Халхин-Гол был развязан японцами на фоне бурного и трудного для непосредственной оценки развития дипломатической активности весной и летом 1939 года. Переговоры велись одновременно на нескольких направлениях. Продолжалась рутинная деятельность по разработке тройственного военного пакта между Германией, Италией и Японией, в чем особенно была заинтересована последняя. При этом Токио настаивал на внесении в текст оговорки об исключительной направленности пакта против СССР. Халхин-Гол замыслился японцами как средство давления на союзников.

ПАРАЛЛЕЛЬНО время от времени активизировались советско-германские контакты. Активно велись британско-немецкие консультации, о чем было известно в Москве. Одновременно в Москве проходили тройственные переговоры по широкому кругу военно-политических вопросов между СССР, Великобританией и Францией. Именно последние переговоры в той сложной ситуации могли бы дать, но не дали миру новую, более благоприятную альтернативу. Заключение политического и военного союза трех государств, возможно, могло бы создать решающий противовес гитлеровским планам расширения агрессии, а также повлиять на обстановку в АТР.

Ко второй декаде августа 1939 года стало, однако, очевидным,

что московские переговоры по вине главным образом Лондона зашли в тупик. В результате в 1939 году СССР оказался в положении международной изоляции. Учитывая поддержку Мюнхенского договора со стороны США, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии, одобрение этого договора Японией, «невмешательство» стран Запада в событиях в Китае, советское руководство в условиях продолжавшегося вооруженного конфликта в Монголии не могло не задуматься о поисках путей обеспечения гарантии безопасности своей страны.

В связи с тем что создание системы коллективной безопасности в форме, которую предлагал ранее Советский Союз, оказалось невозможным (Восточный, Тихоокеанский пакты так и не были заключены, советско-чехословацкий договор перечеркнут Мюнхеном, из-за чего утратил свою фактическую ценность и договор с Францией; переговоры с Англией и Францией зашли в тупик; японская агрессия против МНР продолжалась, а все это вместе взятое означало рост непосредственной угрозы СССР), перед советской внешней политикой во второй половине августа 1939 года вырисовывались довольно ограниченные возможности реагирования на ситуацию: либо остаться в изоляции, сделав упор на собственные силы, проведение самостоятельной внешней политики и подготовку к скорой войне на два фронта, либо нормализовать свои отношения с Германией и Японией, а в случае расширения ими агрессии путем нейтралитета и создания «пояса безопасности» обеспечить себе необходимое время и возможность подготовиться к худшему варианту развития событий.

Перед СССР остро встал вопрос: принимать накануне кульминации вооруженного конфликта с Японией на Халхин-Голе становившиеся все более настойчивыми предложения Германии о заключении пакта о ненападении или нет?

Правительство СССР, исходя из того, что угроза германско-польской войны (а это — выход немецких войск к советским границам) стремительно нарастала, а недоверие к западным державам росло (об англо-гер-

манских и англо-японских контактах в Москве было хорошо известно), все больше склонялось к мысли, что пакт с Германией о нейтралитете или о ненападении не только в большей мере обеспечит безопасность СССР в случае резкого обострения обстановки, нежели расплывчатый и неопределенный договор с западными демократиями, но и позволит не втянуть его в военный конфликт на чьей-либо стороне при отсутствии прямой агрессии.

Вся совокупность этих факторов, недвусмысленность намерений Гитлера вторгнуться в Польшу и понимание того, что СССР в условиях жесткой конфронтации с Японией еще не готов противостоять вероятному вторжению вермахта на свою территорию, очевидно, привели И.В. Сталина 19 августа 1939 года к окончательному решению заключить пакт с Германией. При этом все же не исключалась возможность достигнуть соглашения на переговорах с Англией и Францией «в последний час»⁹.

Как свидетельствуют факты, тогда, в 1939 году, подоидя именно к этому, второму варианту действий, в Кремле рассчитывали, с одной стороны, конкретными договоренностями с Германией сохранить на год-два свой нейтралитет, улучшить собственное стратегическое положение, создав на территории советской «сферы интересов» выдвинутый передовой рубеж обороны в 200—300 км западнее старой границы СССР, а с другой — оторвав от Японии мощного союзника, сдержать ее агрессивные устремления против Советского Союза. Такое практическое решение, считало советское руководство, обеспечит безопасность СССР надежнее, чем неопределенная перспектива зыбкого альянса с западными державами. К тому же ни на минуту не забывалось и о том, что перед угрозой германского нападения стояла Польша, граничившая именно с СССР, но не с Англией или Францией. В случае ее полного разгрома Германией — а в Европе все были уверены, что Польша не продержится больше одного-двух месяцев, — вермахт выходил бы на опасные подступы к Минску и Киеву. Одновременно (не без учета позиции Германии и ее

влияния на Токио) СССР намеревался разблокировать конфликт на реке Халхин-Гол и принять меры к ослаблению непосредственной конфронтации с Японией.

ЗНАЯ на примерах мюнхенского кризиса и гражданской войны в Испании те пределы, на которые западные державы были готовы пойти в ограничении агрессии Германии и Японии, считает профессор Д. Глэнтц, «Советский Союз скорее в целях защиты, чем исходя из (других. — **В.3.**) устремлений, круто повернул свою политику и подписал циничный молотовско-риббентроповский пакт, призванный обеспечить взаимное ненападение между Советским Союзом и Германией...»¹⁰. При всей непопулярности (Д. Глэнтц употребил более сильное выражение) этого пакта, особенно сопутствующих ему документов, в условиях угрозы оказаться перед войной на два фронта и продолжавшейся действительно «циничной» мюнхенской политики ведущих западных демократий в Европе и Азии подписание его было, безусловно, вынужденным и единственно возможным шагом, явившимся следствием сложного переплетения вышеназванных факторов, а также отражением той атмосферы конфронтации, лицемерия, недоверия и пренебрежения нормами морали и нравственности, которая царил в предвоенном мире. Это было в то время единственным шансом советского руководства хотя бы на год—два уберечь неготовую страну от большой войны, обезопасить свои как западные, так и восточные границы, о чем свидетельствует и вскоре последовавший финал халхин-гольских событий. «В то время, когда советские войска, очевидно, были в состоянии развить успех (достигнутый в результате их августовского наступления на восточном побережье реки Халхин-Гол. — **В.3.**), — отмечает Д. Глэнтц, — они пошли на прекращение кровопролития»¹¹.

Следует отметить, что содействием Германии «улучшению советско-японских отношений и прекращению пограничных конфликтов» было одним из важных условий, которые ставил Советский Союз на переговорах по пакту о ненападении¹². Объективно Советский Союз, ведя во-

енные действия на Востоке, не мог себе позволить иметь еще один фронт на Западе. Нормализация, хотя бы временная, отношений с Германией должна была, с другой стороны, способствовать разблокированию конфликта с Японией в Монголии и укреплению безопасности границ СССР на Дальнем Востоке. Очевидно, что именно подписание 23 августа 1939 года пакта, произошедшее на фоне мощного контрнаступления советско-монгольских войск на Халхин-Голе, стало событием, потрясшим токийское руководство и приведшее к отставке кабинета К. Хиранумы и командования Квантунской армии.

НЕОЖИДАННЫЙ политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта, в соответствии с которыми подписавшие его стороны обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». «В течение месяцев в японских политических кругах, — писал уже в октябре 1939 года по горячим следам Халхин-Гольского конфликта американский аналитик Дж. Баллентайн, — велись споры по вопросу о желательности переведения Антикоминтерновского пакта с Германией и Италией в военный альянс. Заключение Германией (в августе 1939 г. — **В.3.**) пакта о ненападении с Советским Союзом, однако, привело в состояние бессмысленности берлинско-римско-токийский антикоминтерн, а также пошатнуло опору японских группировок, выступавших против Коминтерна. Действия Германии, которые, вероятно, были предприняты без согласования с Японией, явились резким, внезапным ударом для Японии, вызывая правительственный кризис, и породили мощный всплеск антигерманских настроений»¹³. «Возможно, — пишет далее Баллентайн, — что японско-советское перемирие (в Халхин-Гольском конфликте. — **В.3.**) представляет собой принятие Японией условий России в результате давящей на Японию потребности

найти выход из сложившейся затруднительной ситуации с Россией, обусловленной подписанием российско-германского пакта и последующей изоляцией Японии»¹⁴.

Военное поражение Японии, таким образом, сопровождалось поражением политическим. 16 сентября 1939 года (уже после начала Второй мировой войны) Япония была вынуждена пойти на заключение соглашения о прекращении боевых действий. Победа советско-монгольских войск во главе с блестящим советским полководцем Г.К. Жуковым имела огромное значение для судеб Второй мировой войны — она отняла у Гитлера важного союзника в предстоявшей борьбе с СССР. Помня уроки Халхин-Гола, Япония так и не решилась вступить в нее в 1941 году, повернув острие своей агрессии на юг. С другой стороны, подписав с Германией пакт о ненападении, Советский Союз, по сути, оторвал от Японии в критический для нее момент важного европейского союзника, ослабив фашистско-милитаристский блок в разворачивавшейся коалиционной войне.

Таким образом, едва начавшись, Вторая мировая война уже диктовала свои условия.

Конечно, западные демократии в союзе с СССР имели объективные возможности пойти другим путем и совместно обуздать агрессоров как на Западе, так и на Востоке, но для этого были необходимы определенные условия: доверие ведущих капиталистических стран к Советскому Союзу, а также доверие со стороны средних и малых стран к великим державам; уверенность в том, что достигнутые соглашения и договоры будут выполняться; готовность в кратчайшие сроки развернуть боеспособные армии, мобилизовать все физические и духовные силы народов на борьбу с фашистско-милитаристской опасностью; непреклонная воля к победе над агрессорами.

Свою роль сыграло также то, что и СССР не доверял западным державам, справедливо считая их виновниками провала плана создания системы коллективной безопасности. В Кремле не могли простить США, Англии и Франции их позицию в маньчжурском и китайском воп-

росах, сделку в Мюнхене, которая не только разрушила советско-франко-чехословацкий договор — основу коллективной безопасности в Европе, но и привела к политической изоляции Союза ССР. В ходе переговоров летом 1939 года с Англией и Францией советское руководство не без оснований сомневалось в искренности их желания заключить антигерманский договор. Оно опасалось, что в случае войны западные державы могут подставить Советский Союз под удар вермахта, не связывая себя конкретными обязательствами по оказанию ему помощи.

В итоге в мире возникла опасная ситуация: все неагрессивные страны стремились не к тому, чтобы совместными усилиями обуздать агрессора, а к тому, чтобы остаться по возможности в стороне от вероятного военного конфликта, переложив главную тяжесть предотвращения мировой войны на других. Советский Союз, однако, шел на такой же шаг не по своей воле, а по суровой необходимости.

При всех морально-политических издержках советско-германского соглашения оно отодвинуло германскую агрессию против СССР на 1,5 года, объективно ослабило Антикоминтерновский пакт, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии, что привело к временной нормализации отношений последней с Москвой.

«Ситуация резко изменилась, — мы вновь обращаемся к Дж. Баллантайну, — когда после начала войны в Европе и подписания советско-германского пакта о ненападении было заключено соглашение о прекращении ведения боевых действий, предусматривающее прекращение огня (в районе реки Халхин-Гол. — **В.З.**) и создание совместной комиссии по восстановлению границы. Этому повороту событий предшествовали циркулировавшие в самых широких кругах слухи о том, что СССР и Япония находились на грани подписания пакта о ненападении, и даже после подписания соглашения высказывались предположения, что соглашение предшествует чему-то более далекому идущему в направлении пакта о ненападении»¹⁵.

Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио — Берлин трещина впоследствии способствовала тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза, отплатив Гитлеру подписанием с Москвой пакта о нейтралитете в апреле 1941 года и развернув в декабре того же года широкомасштабные военные действия на южном направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии): В 110 т. Токио, 1960—1980-е гг. Т. 8. С. 138, 139.

² См.: *Бутурлинов В.Ф., Вартапов В.Н., Зимонин В.П. и др.* Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989. С. 14, 15.

³ In: *Glantz D.* Soviet Military Strategy vis a vis Japan (1921—1945) (An American Perspective) / Paper presented to IY-th Simposium on the Soviet-American Cooperation in World War II. New Brunswick (New Jersey). Rutgers Univ. October 1990. P. 9, 12, 14.

⁴ *Iriye A.* The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. L.; N.Y., 1989. P. 19, 29, 30.

⁵ War in Asia and the Pacific. 1937—1949. A Fifteen Volume Collection / Ed. by Detwiler D. and Burdick Ch. Vol. 2. Political Background of the War. Appendix 1. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies. N.Y., 1966. P. VII.

⁶ Ibid.

⁷ Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1. С. 89, 90.

⁸ Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 17.

⁹ *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 51.

¹⁰ *Glantz D.* Op. cit. P. 12, 13.

¹¹ Ibid. P. 19.

¹² См.: *Шипер У.* Взлет и падение третьего рейха / Пер. с англ. М., 1991. Т. 1. С. 553.

¹³ The Far East Situation. Lecture Delivered 17 October 1939 by Mr. Joseph W. Ballantine at the Naval War College. Newport, R. I. 3881-3281/10-18-39. P. 22.

¹⁴ Ibid. P. 25.

¹⁵ Ibid. P. 14.

*Капитан 1 ранга запаса
В.П. ЗИМОНИН,
доктор исторических наук,
профессор
(Москва)*